

Н. С. Прокурова, С. В. Прокурова

**В. М. ДОРОШЕВИЧ И ЕГО КНИГА «САХАЛИН. КАТОРГА И ПРЕСТУПЛЕНИЯ»
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

В статье, посвященной проблеме «внешнего», государственного наказания людей, преступивших закон, на материале очерковой книги В. М. Дорошевича авторы анализируют проблему преступления и наказания, рассматривают психологические типы обитателей сахалинских тюрем, созданные пером В. М. Дорошевича, касаются и вопросов криминологии, юридической психологии, пенитенциарного права. Анализ проводится одновременно с нескольких позиций: с точки зрения филологии, права и психологии. В статье затронут исторический ракурс дискуссии о приоритетности отечественных и зарубежных источников, послуживших для создания психологических типов представителей преступного мира.

Ключевые слова: каторга, преступление, наказание, психологические типы, акцентуированные личности.

N. S. Prokurova, S.V. Procurova

**V.M. DOROSHEVICH AND HIS BOOK «SAKHALIN. PENAL SERVITUDE AND CRIMMES»
(DEVOTED TO THE 150-TH ANNIVERSARY OF THE AUTHOR)**

On the basis of the book written by V.M. Doroshevich, the authors examined the problem of crime and punishment, the psychological types of prisoners, also discussed the questions of the criminology, juridical psychology, penitentiary law. The research is made from different points of view: philology, law and psychology. The authors focused on what based the origins of the prisoner types: foreign sources or national.

Keywords: penal servitude, crime, punishment, psychological types, accentuated personalities.

Влас Михайлович Дорошевич — русский журналист, публицист, театральный критик — вошел в литературу в 80-е гг. XIX в. В разные годы был репортером газет «Одесский листок», «Московский листок», «Петербургской газеты», с 1902 по 1918 гг. редактировал газету «Русское слово». Когда в газетах или журналах печатались статьи этого «короля фельетонов», издатели удваивали тиражи печатной продукции, чтобы удовлетворить потребности читающей публики.

Поездка Антона Павловича Чехова в 1890 г. на Сахалин привлекла к «проклятому» острову внимание всех передовых людей эпохи, в т. ч. и Власа Михайловича Дорошевича, работавшего в то время корреспондентом газеты «Одесский листок». Чехов разбудил интерес Дорошевича к Сахалину, передав ему свою болезнь — *Mania Sachalinosa*. «...Вся жизнь, все интересы для меня слились в одно, — вспоминал впоследствии писатель. — Сахалин! Сахалин заслонил от меня всю жизнь. Вне Сахалина для меня ничего не существовало. Я ложился, вставал, говорил, ел, думая только об одном, — о Сахалине. Это было что-то вроде помешательства» [1].

После знакомства с книгой А. П. Чехова «Остров Сахалин» Дорошевичу страстно захотелось самому побывать на этом острове, своими глазами увидеть все, что творится на Сахалине, и еще раз рассказать читателю, что же такое каторга.

Цели посещения острова обоими писателями совпадали: увидеть человеческие страдания, которые на Сахалине «обнажены в тысячу раз больше», и привлечь к ним внимание общества. Однако значительно отличались друг от друга методы воплощения в произведениях темы человеческих несчастий. «Остров Сахалин» А. П. Чехова представляет собой серьезный научно-публицистический труд с элементами художественности, книга же В. М. Дорошевича «Сахалин. Каторга и преступления» — это собрание ярких, эмоциональных художественных очерков, воссоздающих живой портрет сахалинской каторги.

В. М. Дорошевич прибыл на Сахалин в 1897 г. и уже с первого момента пребывания на острове его поразило по-прежнему царящее здесь крепостное право: страшные физические истязания

зания, взгляд на человека как на «живой инвентарь», которым можно распоряжаться «по усмотрению»; «сожительства», заключаемые не по любви, не по влечению, а по приказу; работа каторжан «по хозяйству» у сахалинских чиновников — все это производило удручающее впечатление оголтелого крепостничества.

Книга В. М. Дорошевича «Остров Сахалин. Каторга и преступления» начинается с яркого, эмоционального описания острова. Привлекая художественные средства, автор рисует суровый, неприветливый образ Сахалина.

Анафоричность и лаконизм речи усиливают мрачное впечатление от этого острова: «Здесь суровая, лютая зима. Здесь неделями продолжается пурга, крутит огромные снежные смерчи, по крышу засыпает дома. Здесь безрадостная зима похожа на осень» [2]. И через несколько страниц автор вновь возвращается к этой анафоре, которая теперь уже характеризует не природные условия Сахалина, а создает страшный облик острова-мучителя, острова-карателя и убийцы: «Здесь давит. Здесь тяжко. Здесь тяжко даже деревьям. Здесь больны даже эти гиганты. Их стволы искривлены огромными болезненными наплывами» [1, с. 7]; «Здесь воздух напоен тяжелыми вздохами. Здесь в ночном крике птицы чудится стон. Здесь много пролито крови этими несчастными, которые режут друг друга из-за грошей.

Здесь что ни уголок — то страшное воспоминание. Здесь все дышит страданием. Здесь много было преступленья и труда. Здесь все нужно взять с боя. Сахалинская почва ничего не родит, если на нее не капнут пот и слеза» [1, с. 12].

Метафоры, образные сравнения еще более усиливают тяжелое, безотрадное впечатление от мрачного, неприветливого сахалинского пейзажа. Суровая мелодичность речи достигается частыми повторами однородных членов, как правило, определений: «Высокий, обрывистый, отвесный, неприступный берег... Словно эти великаны деревья, вытянув руки, бегут от этого ужасного берега, от этого сурового, холодного, жестокого моря и ветра» [1, с. 6].

В очерке «Первые впечатления» В. М. Дорошевич рассказывает о том, что в его путешествии на Сахалин два впечатления давили и угнетали душу. Первое — это то, что пароход, везший каторжников из Одессы на Сахалин, чем-

то напоминал огромную баржу, предназначенную для вывоза в море отбросов, а сахалинские поселки и посты, серевшие на берегу, напоминали «колоссальные места свалок». И второе: с первых шагов на Сахалине автору показалось, что он перенесся на 50 лет назад, в эпоху крепостного права. И день ото дня это впечатление усиливалось: «тот же подневольный труд, те же люди, не имеющие никаких прав, унижительные наказания, те же дореформенные порядки, <...> тот же взгляд на человека, как на «живой инвентарь», то же распоряжение человеком «по усмотрению», сожительства, заключаемые, как браки при крепостном праве, не по желанию, не по влечению, а по приказу, взгляд многих на каторжного, как на крепостного, — все, кончая «декоративной стороной» крепостного права, обязательным, «ломанием шапки» — все создавало полную иллюзию «отжитого времени» [1, с. 14].

В очерке «Лазарет» писатель изображает больницу для каторжного люда в Корсаковском посту и называет ее «злой ямой Дантовского ада», «самой мрачной тюрьмой» из всех сахалинских тюрем. Корсаковский лазарет производит удручающее впечатление: вентиляция отсутствует, спертый и тяжелый воздух, чрезвычайно грязное постельное белье, нет мыла, отсутствует и операционная комната. Больных, нуждающихся в операции, отправляют в Александровский пост, который бывает отрезанным от Корсаковского поста в течение полугода, так как пароход плавает туда только два раза в год.

Гнетущее впечатление в душе писателя оставляет созерцание страданий безнадежных больных, что наводит его на горькие размышления: «Тяжело вообще видеть приговоренного к смерти человека, а приговоренного к смерти здесь, вдали от родины, от всего, что дорого и близко, — здесь, где ни одна дружеская рука не закроет глаза, ни один родной поцелуй не запечатлеется на лбу, — здесь вдвое, вдесятеро тяжелее видеть все это» [1, с. 22].

В лазарете находится клептоман Демидов, по словам писателя, «один из несчастнейших людей на каторге»: «его били смертным боем товарищи, и секло начальство, а он все продолжал оставаться «неисправимым» [1, с. 24]. И только тогда, когда доктор Кириллов взял этого

«неисправимого негодяя» в лазарет, все поняли, что Демидов психически болен. Дорошевич с большой симпатией рисует образ этого молодого лазаретного врача, который, несмотря на все трудности, неукоснительно исполняет свой долг и для каждого больного находит слова утешения. Таков же и сахалинский доктор Николай Степанович Лобас — чуткий, отзывчивый человек из Александровска, пользующийся из-за своей доброты особым расположением каторги.

В очерке «Наряд» автор повествует о том, как осуществляется распределение каторжного люда по работам: на разгрузку парохода, на «таску дров», на плотницкие работы и, кроме того, арестанты посылаются в услужение частным лицам — перекопать огород, выполнить другие работы по хозяйству.

Тяжелое впечатление производит корсаковская кандалная тюрьма (очерк «Тюрьма кандалная»), куда писатель приходит вместе со зрителем: в камерах сыро и душно, лишь развешанные на стенах ветви ели немного освежают спертый воздух; голые нары, грязные соломенные матрацы, здесь напрочь отсутствуют признаки «хоть малейшей, хоть арестантской домовитости», отсутствует также и стремление устроить свое жилье получше, поуютнее. Однако неизменной принадлежностью каждого номера являются кошки и собаки, которых арестанты очень любят. И эту нежную привязанность арестантов к животным автор объясняет тем, что «только животные и относятся к ним как к людям».

В этой тюрьме содержатся и так называемые «тачечники» — каторжные, к ножным кандалам которых длинной цепью прикована тачка «весом пуда в два». Тачка следует за арестантом повсюду, даже спит он с нею на особой койке.

Здесь находятся рецидивисты, беглые, состоящие под следствием. Сюда был посажен и поселенец, который уже отбыл каторгу, вышел на поселение, а теперь вновь оказался в тюрьме за убийство сожительницы и надзирателя, с которым она «баловалась». Он убил их жестоко, зверски, цинично надругавшись над трупами, «буквально искромсал их ножом». Убил, несомненно, в состоянии аффекта («Себя тогда не помнил, что делал. Рад только был, что ему не досталась... Да и тяжело было» [1, с. 51]. И после убийства он вновь оказался в тюрьме.

«Корсаковская кандалная тюрьма, — пишет автор, — одна из наиболее мрачных, наиболее

безотрадных на Сахалине. Быть может, ее обитатели произвели на вас не только неприятное, — отталкивающее впечатление?

Милостивые государи, вы стоите рядом с человеческим горем. А горе надо слушать сердцем. Тогда вы услышите в этом «зверстве» много и человеческих мотивов, в «злобе» — много страдания, в «циничном» смехе — много отчаяния» [1, с. 52].

Следуя традициям Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова в описании каторги, Дорошевич обращает внимание на самые различные стороны быта и нравов каторги: рассказывает о тюремном майдане, о телесных наказаниях, детально вырисовывает образы тюремных палачей, целые страницы посвящает языку каторги. Однако В. М. Дорошевич в отличие от А. П. Чехова, который имел своей целью исследовать условия содержания арестантов, состояние их здоровья, поставил перед собой иную задачу — вскрыть социальные мотивы преступления каждого отдельного человека, проникнуть в его духовный мир, постичь его психологию.

На страницах своей книги В. Дорошевич успешно решает задачи и психологического плана. Писателю свойственно глубокое проникновение в психологию своих героев. Подобно тому, как немецкий ученый Карл Леонгард выискивает акцентированные личности в произведениях художественной литературы (в том числе и русской), так и Влас Михайлович Дорошевич представляет нам на страницах своей книги яркие психологические типы отклоняющегося (девиантного) поведения, наблюдаемые им в сахалинской действительности.

Сегодня исследованием различных аспектов девиантного поведения занимаются ученые различных отраслей знания: антропологии, этнографии, криминологии, правоведения, медицины и др. Однако, по справедливому мнению известного ученого-психолога Ю. А. Клейберга, «психологические механизмы, причины, диагностика предрасположенности к девиантному поведению и др., девиантное поведение как процесс изучается, прежде всего, психологией» [3].

В поведении человека, как известно, имеют место различные компоненты: биологические, социальные и психологические. В зависимости от того, какому компоненту в рамках той или иной теории отводится главная роль, определяются

основные причины этого поведения. На этом же базируются и основные подходы к данной проблеме — биологический, социологический и психологический. Сторонниками биологического направления в определении девиантного поведения были Ч. Ломброзо, Д. Дриль, Э. Кречмер, Х. Шелдон. Отклонения в поведении людей они напрямую связывали с наследственностью — хроническим алкоголизмом родителей, их психическими заболеваниями. Ярким подтверждением антропологической теории преступности является герой очерка В. Дорошевича «Поэты-убийцы» — П-в, которого писатель называет поэтом-декадентом. С ним Дорошевич познакомился в сумасшедшем доме. Ему около сорока лет. Этот человек совершил массу скверных и гнусных преступлений, свидетельствовавших об «удивительной извращенности его натуры». Он ненавидит прокурора, который обвинял его первый раз и не может простить ему, что он назвал его «ломбровским типом». «А между тем, — пишет Дорошевич, — П-в мог бы служить прямо украшением известного атласа Ломброзо. Торчащие уши — совершенно без мочек. Удивительно ярко выраженная асимметрия лица. Глаза, различной величины и неровно посажены, — один выше, другой ниже. Нос, губы — все это словно сдвинуто в сторону. Два совершенно различных профиля. Приплюснутый назад низкий лоб. Страшно широкоразвитый затылок. Более яркой картины вырождения нельзя себе представить» [2, с. 144]. Дорошевич говорит о том, что П-в — «плод кровосмешения», так как его родителями были родные брат и сестра, «горькие пьяницы». На каторгу он попал за убийство товарища и уже здесь, на Сахалине, «кроме бесчисленных краж и преступлений на почве половой психопатии» П-в совершил новое убийство. Он пишет стихи и желает, чтобы они были напечатаны.

Жертва дурной наследственности и Виктор — герой очерка «Знаменитый московский убийца», пришедший на Сахалин за зверское убийство своей любовницы. Отец его застрелился «в припадке помешательства», сестра «страдала сильными истерическими припадками», брат сошел с ума.

Сам Виктор до семи лет не умел говорить, окончил только два класса мещанского училища, потому что был не способен к учебе. В 12 лет

Виктор начал пить, в 15 — «познакомился с развратом». В 30 лет он «впал в летаргический сон» и проспал 12 суток, его чуть было не похоронили живым. С детства Виктор неодолимо тянуло к преступному миру. В 1881 г. его осудили на 4 месяца за кражу, в этом же году он был замешан в убийстве дворянки Накатовой и ее кухарки, в 1883 г. стал бродяжить и бродяжил 8 лет. Вернувшись в Москву, он получил наследство и завел себе меблированные комнаты. Затем поступил на службу контролером тотализатора на скачках, где вел игру и все время жил в этой игре, как в угаре. «Говорю Вам, в полугаре был, — рассказывал он Дорошевичу. — Только скачками и дышал. <...> О лошадях только и думаешь, лошади и во сне снятся» [2, с. 35]. Познакомившись с историей преступления Виктор, поговорив с ним самим, Дорошевич написал о нем: «Таков этот болезненный, до семи лет не говоривший, в летаргическом сне лежавший, с несомненно — болезненной наследственностью человек, принесший в мир столько ужаса и горя. При таких условиях рос, воспитывался и формировался этот «знаменитый убийца» [2, с. 35].

В очерке «Каторжанка баронесса Геймбрук» Дорошевич рассказывает об интеллигентной, образованной женщине — баронессе Геймбрук, пришедшей на Сахалин за поджог, устроить который ее уговорил жених, отставной военный. У него были расстроены финансовые дела, и он решил таким образом поправить их, получив страховые премии. Поджог был обнаружен, их арестовали. После суда ее жених был отправлен в Сибирь, она — на Сахалин. Образованная и воспитанная, баронесса Геймбрук прекрасно говорит по-французски. Здесь, на Сахалине, ее образованность становится причиной злобных нападок на нее невежественных и малообразованных сахалинских чиновников и их жен, которые ненавидят и оскорбляют ее. Чтобы быть хоть немного защищенной, она пошла в сожительницы к интеллигентному, как ей показалось вначале, человеку — фельдшеру, которого вскоре выгнала за разврат и нечистоплотность, но у нее остался от него ребенок.

Баронесса очень любит своего сына, пятилетнего болезненного, золотушного мальчика и уже сейчас печалится о его судьбе: «Ведь это будущий убийца растет... Вы только подумайте:

наследственность-то какая!.. Вы посмотрите на отца. Убийца, полусумасшедший развратник» [2, с. 74].

Сторонники социологического направления (Э. Дюркгейм, Р. К. Мертон, Д. Дьюи, П. Дюпати, М. Вебер и др.) связывали отклоняющееся поведение с социальными условиями существования членов общества.

Известный немецкий ученый-криминолог Г. Й. Шнайдер, также сторонник социологического направления, приводит результаты исследований различных специалистов (юристов, социологов, психологов, психиатров) и рассматривает модели преступного поведения. Например, анализируя преступное поведение жителей г. Чикаго, автор говорит о том, что в городе существуют отдельные районы с высоким уровнем преступности. «Дети рано знакомятся здесь с преступными образцами поведения, — пишет автор. — Отсутствие культурных традиций и институтов, подобных тем, что укрепляют солидарность и организованность среди жителей обычного района, приводит к тому, что дети и подростки в неблагополучных районах нередко просто не получают доступа к тем традициям и идеалам, которыми живет нормальное общество. <...> Ребенок с самого раннего возраста усваивает противоправные привычки и установки в процессе взаимодействия с той цепью реальных ситуаций, в которых он оказывается и на которые он реагирует. Правонарушения — это часть его жизненного процесса» [4]. Это мнение ученого-криминолога также находит свое подтверждение в образах, созданных пером В. М. Дорошевича. Поэтому вовсе не лишены оснований печальные прогнозы госпожи Геймбрук по поводу дальнейшей судьбы ее сына. «... Что может выйти из него здесь, на Сахалине! — в отчаянии восклицает она во время беседы с В. М. Дорошевичем. — Что перед глазами? Ежедневные убийства, поголовный разврат, плети, каторга. Вот вы на игры их посмотрите, играют «в палачи», в повешенье, палач у них — герой, бессрочный каторжник — герой. Вы спросите у десятилетнего мальчика, что такое тюрьма? «Место, где кормят!» Где лучше, в тюрьме или на воле? «Знамо, в тюрьме, на поселении с голода подохнешь». Ведь все это мальчик с детства в себя впитывает. Тюрьма для него что-то обыденное, неизбежное, заурядное, карьера. ...Что из него выйдет? То же, что и из других! Убийца! Ведь я его на каторгу

рашу, на каторгу! Убийцу будущего!..» [2, с. 74]. И при этом баронесса со слезами на глазах, словно в каком-то истерическом припадке целовала своего сынишку, который явился домой плачущим. И как бы в подтверждение самых худших опасений баронессы писатель рисует образы преступников, родившихся и выросших на Сахалине.

Это юноша Виктор Негель (очерки «Уроженцы о. Сахалин», «Преступники и преступления») — двадцатилетний арестант Александровской кандалной тюрьмы — уроженец Сахалина. Его родители были сосланы за убийства на Усть-Кару, а потом вместе переведены на Сахалин. Негель совсем не помнит отца, но воспоминания о матери, которую «зарезал его же учитель, поселенец», «заставили его разрыдаться». Сам же Негель через десять месяцев после этого совершает зверское убийство женщины, жены ссыльного поселенца. Уроженец Сахалина и молодой татарин Габидуллин — Латыня, сын ссыльно-каторжных, жестоко расправившийся с беременной женой и двумя детьми одного арестанта.

Заканчивая очерк «Уроженцы о. Сахалин», автор с болью и горечью говорит: «Нет сахалинской тюрьмы, где бы ни сидело «уроженца». 30 лет с лишком на Сахалине рождаются дети, растут среди каторги, в атмосфере крови и грязи, и с самой колыбели обречены на каторгу. Я думаю, что это большой грех против этих несчастных» [1, с. 417].

Сторонники психологического направления (З. Фрейд, У. Шутц, А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм и др.) рассматривают девиантное поведение в связи с отсутствием личностного роста, с внутриличностным конфликтом и саморазрушением личности. По мнению этих ученых, лицам с отклоняющимся поведением, включая социальную девиацию и нервно-психические отклонения, свойственны повышенная тревожность, агрессивность и комплекс неполноценности.

Типы с психическими расстройствами на страницах книги Дорошевича — это, несомненно, прежде всего герои очерка «Людоеды»: Колосков, Губарь и Васильев, испробовавшие человеческого мяса.

Некоторые представители психоаналитического направления (Д. Боулби, К. Хорни, Г. Салливан) как одну из причин отклоняющегося поведения называют недостаток

эмоционального контакта с родителями или так называемого «теплого общения с матерью» в раннем возрасте.

И такой психологический тип встречается на страницах книги Дорошевича. Это арестант Авдеев (очерк «Карцеры») — «юноша с неприятным лицом и отталкивающим взглядом». Он «производит впечатление волчонка, затравленного и злобного». Авдееву только около 19 лет, но он уже признан неисправимым и приговорен к вечной каторге. В возрасте 14 лет он совершил тяжчайшее преступление — убил из-за денег своих родителей. Автор вскрывает здесь психологические мотивы преступного поведения личности, указывает на причину формирования преступного характера.

Авдеев рос в семье заброшенным ребенком, его не любили, он платил родителям той же монетой. Мать Авдеева — пленная турчанка, которую привез его отец-офицер после войны вместе с прижитым ребенком домой, в Россию. Его родители — очень состоятельные люди — не любили своего сына и не уделяли ему никакого внимания. «Известно, — говорит Авдеев, — если бы хорошо со мной обращались, не зарезал бы!» [1, с. 63].

На каторге Авдеев, как особо опасный преступник, содержится в одиночном карцере и выходит из него только для того, чтобы лечь «на кобылу», затем — снова в карцер. Работать Авдеев упорно отказывается.

Автор сравнивает этого затравленного и замученного побоями юношу с «задерганной лошастью», «которую сильно дергали и нахлестывали, которая остановилась и упрямо ни за что не сделает ни шагу вперед, как бы ее ни били» [1, с. 64] и делает глубоко психологичный вывод: «В таких случаях опытные кучера дают просто немного передохнуть» [1, с. 64] — заключает в себе намек-совет: перестаньте истязать этого мальчика, почти ребенка, обогрейте его теплом и добрым словом, подарите немного ласки, которую он никогда не видел и, быть может, оживет, проснется его озлобленная, зачерствевшая душа, возродится к новой жизни».

Дорошевич отмечает среди сахалинских арестантов большой процент людей, случайно попавших на каторгу. Почти на семь лет пришел сюда за оскорбление караульного начальника арестант Козырев, попал случайно на Сахалин после тифозной горячки крестьянин Новгородской

губернии Семен Глухаренков, который ничего не сумел сказать, объяснить и пошел «как бродяга Немой» на полтора года «в каторгу». По несчастью оказался в остроге бессрочный испытуемый Гловацкий: гулящая жена повесилась, он испугался, положил труп в мешок и — в воду. И тоже попал в каторгу... за убийство.

Встречались Дорошевичу на Сахалине и преступники, ставшие ими по воле случая, когда человек от горя и обиды себя не помнит. Таков герой очерка «Интеллигент», пришедший на Сахалин за убийство жены, которую застал с любовником. Какую человеческую трагедию показывает автор, какие психологические глубины открывает он здесь! Уже портретная характеристика героя («пьяный человек, оборванный, грязный до невероятия, с сияком под глазом, разбитой и опухшей губой») свидетельствует о духовной деградации этого интеллигентного, образованного человека. Его трагедия усугубляется еще и тем, что теперь он целиком находится во власти грубых и неразвитых тюремных смотрителей и надзирателей, которым нет никакого дела до его образованности и духовности, и они так же, как и других арестантов, подвергают его телесным наказаниям. «Разве он меня порет? — в отчаянии восклицает герой. — Всех порет, кто во мне заключается. С Боклем, и со Спенсером, и с Шекспиром на кобылу ложусь, и с Боклем, и со Спенсером, и с Шекспиром меня смотритель порет» [2, с. 135]. Автор в таком малом жанровом образовании, как очерк, сумел исследовать глубокую душевную драму героя и вскрыть психологию преступления, совершенного в состоянии сильного душевного волнения, или, говоря юридическим языком, в состоянии аффекта.

Автор поднимает вопрос о современном управлении каторгой и рассказывает о тех чиновниках, представителях законной власти, которые осуществляют возрождение падших людей. В очерке «Кто правит каторгой?» Дорошевич справедливо говорит о том, что на суде юристы — прокурор и защитник — «взвешивают каждую мелочь свидетельских показаний» и совещаются, какое применить к оступившемуся человеку наказание. Само же наказание, призванное нравственно возродить преступника, поручается надзирателям, выходцам из отставных солдат или из ссыльнокаторжных,

этим «низко стоящим на нравственном уровне и безграмотным» людям, которые, естественно, никакого воспитания арестантов осуществлять не в состоянии, а являются лишь «потатчиками» именно для худших элементов каторги: «иванов», майданщиков, шулеров-игроков и т. д. «...И смело можно сказать, — пишет автор, — что только благодаря надзирателям, эти «господа» каторги имеют возможность держать в такой кабале бедную, загнанную «шпанку» [1, с. 191].

В главе «Телесные наказания» писатель повествует о том, как прокурор и защитник приговаривают арестанта Ивана Груздева за то, что самовольно оставил место ссылки и скрывался «по подложному виду», к восьмидесяти ударам плетей, а доктор и все присутствующие при освидетельствовании в ужасе от этого приговора. Доктор берет на себя ответственность и пишет в акте освидетельствования: «Порок сердца... От телесного наказания освобожден», а потом говорит Дорошевичу: «...80 плетей! Ведь это же — смертная казнь! Разве можно? Если б они видели, к чему приговаривают» [1, с. 258]. Телесные наказания на Сахалине, и семь лет спустя после отъезда Чехова, по-прежнему процветали при Дорошевиче.

В. М. Дорошевич так же, как и А. П. Чехов, показывает, как «осахалиниваются» на острове развитые, образованные люди: смотрители, надзиратели, сахалинские служащие говорят языком каторги («жулик» вместо «нож», «пришить» вместо «убить», «фарт» вместо «счастье»), а их жены высказываются за телесные наказания. И причину всего этого автор справедливо видит в том, что «...полное бесправие, царящее на острове, населенном людьми, лишенными «всех прав», развращает не только управляемых, но и управляющих», что «...жизнь среди тюрем, розог, плетей, как чего-то обычного, не проходит даром» [1, с. 202].

Невыносимо тяжелые условия жизни вынуждали людей заниматься членовредительством или бежать с этого проклятого острова. «Безногие, безрукие, калеки — это живая, новейшая история каторги. История тяжелых, непосильных работ и наказаний» [2, с. 185] — вот какой представилась Дорошевичу сахалинская каторга через семь лет после Чехова. Осужденные на 6—7 лет арестанты предпринимали попытки к побегам, которые не удавались, а результатом всего этого были новые

прибавки к сроку. При входе в камеры Дорошевич видел таблички: «Такой-то 6 л. + 10 + 15 + 15 + 20...». Есть каторжники, которым сроку более 90 лет...» [2, с. 184]. И Дорошевич горько констатирует: «Мы тут очень точно отмериваем: 6, 7, 8 лет каторги. А там, среди невыносимых условий, люди бегут от ужаса и из краткосрочных каторжан превращаются в бессрочных» [2, с. 185].

Создав яркую портретную галерею сахалинского каторжного люда — угрюмого, озлобленного, замученного непосильным трудом, телесными наказаниями, показав быт арестантов, описав их нравы, язык и фольклор, Дорошевич в своей очерковой книге сделал выводы, достойные писателя-гуманиста. «Если исправление и возрождение немыслимы без раскаяния, — писал он, — то Сахалин не исполняет, не может исполнять своего назначения. Все, что делается кругом, так страшно, отвратительно и гнусно, что у преступника является только жалость к самому себе, убеждение в том, что он наказан свыше меры, и, в сравнении с наказанием, преступление его кажется ему маленьким и ничтожным. Чувство, совершенно противоположное раскаянию!» [2, с. 158].

Писатель вынес из своей сахалинской поездки твердое убеждение в том, что «...до сих пор еще не изобретено такого преступления, которое заслуживало бы такой каторги, как сахалинская» [2, с. 158]. Дорошевич был уверен, что прецедентов, подобных Сахалину, в истории человечества еще не было.

На страницах книги Власа Михайловича Дорошевича «Сахалин. Каторга и преступления» незримо живет образ автора — мудрого, образованного человека с добрым, сострадательным сердцем, который всей душой сочувствует бедной несчастной «кобылке» — самому бесправному разряду русской каторги. Это сочувствие звучит в авторских репликах и в лирических отступлениях, где писатель-гуманист возвышает свой голос в защиту человека в человеке, в защиту прав и достоинства несчастных обитателей русских тюрем.

Список библиографических ссылок

1. Дорошевич В. М. Как я попал на Сахалин. М., 1905. С. 45.
2. Дорошевич В. М. Сахалин. Каторга и преступления: в 2-х ч. М., 1907. Ч. 1. С. 5. Далее цитирование будет производиться по этому изданию в тексте с указанием тома и страницы.
3. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2001. С. 10.
4. Шнайдер Г. И. Криминология. М., 1994. С. 272, 273.

© Прокурова Н. С., Прокурова С. В., 2014